

В отсутствие начальства

Автор:

Николай Свечин

В отсутствие начальства

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #30

В 1913 году Алексей Лыков волею судеб оказывается в городе Смоленске, где ему предстоит не просто спасти друга и сослуживца – коллежского асессора Азвестопуло – от карающего меча правосудия, но и раскрыть тайную сеть австрийских диверсионных баз и рассекретить польских шпионов.

Истинные преступники оказались за решеткой, а Лыков и освобожденный Азвестопуло смогли присоединиться к празднованию трехсотлетия дома Романовых и вернуться к своей обычной службе.

Николай Свечин

В отсутствие начальства

© Свечин Н., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Автор благодарит Юрия Шорина за помощь в исправлении исторических неточностей.

Глава 1. Бегство из Лемберга

Штабс-капитан Павел Лыков-Нефедьев сидел на стопке газет и старался не шевелиться. Самое время было вспомнить уроки отца, умевшего часами обходиться без движения... Папаша не смог воспитать из отпрыска такого же пластуна, как он сам. Но кое-какие навыки привил. Теперь Павлу пришлось их вспомнить – впервые в жизни.

Штабс-капитан должен был встретиться на Лычаковском кладбище в Лемберге[1 - Лемберг – название столицы Галиции – города Львова в Австро-Венгрии. (Здесь и далее примеч. автора.)] с агентом-маршрутником и получить от него очень важное донесение. Подпоручик Яцевич, офицер разведывательного отделения штаба Варшавского военного округа, вез сведения о польской организации «Союз активной борьбы». Его создал небезызвестный Иозеф Пилсудский, вождь ППС – Польской социалистической партии, ставящей целью обретение Польшей независимости. Одновременно с союзом учредили Польскую военную казну – секретный фонд для финансирования повстанческого движения. Пилсудский договорился с австрийской разведкой о сотрудничестве. Австрийцы предложили полякам организовать в Галиции и Малой Польше целую сеть стрелковых союзов по образцу тирольских. Это была замаскированная форма военного обучения поляков как ядра их будущей армии. Военное министерство выдало стрелкам оружие, патроны, даже взрывчатку, а еще серьезную сумму денег. Все это крайне интересовало русскую разведку, но ее дела в Австрии трещали по швам. Эвиденцбюро[2 - Эвиденцбюро – австрийская разведка и контрразведка.] раскрыло шпионскую сеть, созданную русским военным агентом в Вене полковником Здановичем.

Неделю назад, в первых числах марта 1913 года, Зданович был вынужден спешно уехать в Петербург. Оба его нелегальных помощника, Беран и Хашек, с которыми Павел тесно общался, были арестованы контрразведкой. Следом схватили группу Чедомила Яндрича. Этот обер-лейтенант, слушатель военной

школы и подающий надежды офицер, был завербован еще предшественником Здановича полковником Марченко. Он привлек к секретной службе двух лейтенантов: своего брата Александра и его приятеля Якова, а также отставного полицейского Юлиуса Петрича, железнодорожного служащего Флориана Линдера и фельдфебеля Артура Итукуша. Резидентура успешно работала два года, и ее провал был сильным ударом для Огенквара [3 - Огенквар – отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, русская военная разведка.].

Штабс-капитан Лыков-Нефедьев неделю катался по Королевству Галиции и Лодомерии [4 - Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским (Малой Польшей) и княжествами Освенцим и Затор – название коронных земель Австрийской монархии после раздела Речи Посполитой в 1772 году.]. Он выдавал себя за офицера, который вышел в запас и теперь ищет место управляющего. На самом деле разведчик инспектировал свою агентуру на правах помощника делопроизводителя австрийского отделения Огенквара. Сам делопроизводитель, полковник Самойло, уже не рисковал посещать империю Габсбургов, где был хорошо известен чинам Эвиденцбюро. Теперь, после провала группы Яндрича, было бы правильно свернуть инспекцию и спешно драпать на восток. Но штабс-капитану было жалко терять донесение о галицийских поляках. Он надеялся, что до его маршрутника контрразведка не добралась. Кроме того, вчера на проверке подпоручик дал сразу два знака. Он шел мимо Арсенала, держа в левой руке папиросу. Тем самым сообщая, что донесение передано им по каналу «Монастырь». А на углу агент остановился и почесал затылок, словно размышляя, пойти ему налево или направо. Павел наблюдал за ним из кофейни и сразу насторожился. Помедлив, Яцевич шагнул налево. Это был сигнал о том, что он желает личной встречи с начальством. Следовательно, имеет сказать что-то важное... Такая встреча допускалась в исключительных случаях и была небезопасна, поэтому приходилось принимать самые серьезные меры предосторожности. Павел в тот же день истоптал Лычаковское кладбище и изучил место встречи с агентом. Она должна была состояться возле могилы Антония Езёранского, бывшего полковником польских инсургентов во время восстания 1863 года. Место выбрали удачно: тихая аллея, вокруг густо росли высокие старые деревья, много было и низкого кустарника...

Штабс-капитан сначала решил спрятаться в десяти сажнях от надгробия, под сенью приземистой туи. Если нырнуть туда и затаиться, то разглядеть спрятавшегося невозможно. Но, пройдя раз-другой по аллее, разведчик передумал. Наискосок от нужной могилы стояла старая каплица, венчавшая склеп польского рода Дзевятловских-Гинтовт. В нем, судя по надписям, лежало

три поколения панов. Крепкое строение, вокруг ухоженные клумбы, вход перегорожен тяжелой дверью с большим висячим замком на цепи. Спрячься в каплице, и тебя никто не увидит, а ты разглядишь любого. Но как туда попасть? Сломать замок можно, но это заметят. Отпереть отмычкой? Была бы она... А если разогнуть звено цепи?

Лыков-Нефедьев постоял перед склепом, словно отдавая дань памяти покойным, быстро осмотрел преграду и принял решение. Возиться с цепью он передумал. Тяжелая дверь с зарешеченным маленьким окном весила на вид не меньше десяти пудов. Если снять ее с петель, чего никто не ожидает, можно протиснуться внутрь и подвесить железо обратно. Замок на месте, вид у него запущенный – давно никто не отпирал. Австриякам и в голову не придет такой фокус, требующий от человека огромной силы и ловкости. Только надо пролезть в каплицу рано утром, за четыре часа до встречи. Если контрразведка оцепит кладбище, то не настолько заранее, а за час-полтора, иначе филеры будут бросаться в глаза.

Штабс-капитан так и сделал. Теперь он сидел, укрытый темнотой склепа, и поглядывал на аллею. Убежище ему нравилось, но мартовская сырость... Так и простыть легко! Павлука вынужден был время от времени подниматься с газет и делать гимнастику. Когда на кладбище придут люди, уже не попляшешь и придется греться коньяком из фляги. Ну-ну...

Вдруг в конце аллеи появилась темная фигура. Неужели Яцевич тоже пришел пораньше, делает рекогносцировку? Разумно, но и опасно – можно примелькаться, навлечь на себя подозрение служителей. Лычаковское кладбище огромно, затеряться здесь легко, но всему есть мера. Разведчик всмотрелся – и отшатнулся внутрь склепа. По аллее шел к каплице капитан Рыбак!

В свое время бывший военный агент в Вене Марченко сумел достать списки офицеров Эвиденцбюро с описанием их внешности. Павлука заучил приметы тех, кто работал против России, наизусть. Полковник Николас Вауде де Воло, майор Виктор Джезисски, капитан Джулиус Риттер Мальчевски фон Торнау... Все владеют русским, неоднократно посещали империю с секретными заданиями. Юзеф Рыбак, начальник краковского центра, был лучшим из них. Умный, честолобивый, знает четыре языка, бывал в Киеве и Варшаве. По наружности жуир и весельчак, а на самом деле серьезный противник. Это точно был он! Светлые волосы при черных бровях и усах, в духе лермонтовского Печорина, и кривые ноги кавалериста.

Лыков-Нефедьев сразу понял, как он влип. Кривоногий здесь не случайно. Подпоручик Яцевич тоже провален и ведет за собой хвост. Как же австрияки узнали, где именно состоится встреча? Неужели они читают наши шифры? Хорошо, что меры предосторожности были предприняты заранее. Хотелось надеяться, что топтуны не заметили, как Павел в утренних сумерках махнул через забор со стороны университетского ботанического сада. Место там было безлюдное, густо заросшее грабами – бывший парк Цетнеровка. До каплицы разведчик шел крадучись и никого не встретил. Калитку снял мигом, спрятался и вернул железяку на место. Петли, правда, взвизгнули в тишине, но смазывать их он поостерегся: вдруг заметят? Теперь оставалось таиться и ждать, в надежде, что его не обнаружат.

Черноусый капитан прошелся взад-вперед и вскоре исчез. Но с этого момента аллея уже находилась под наблюдением. Разведчик услышал шаги слева. Крепкий дядя подошел к каплице и тщательно осмотрел замок. Вскоре справа появился второй и начал всматриваться в щели решетки. Укрытый за выступом Павлука унимал пульс. Сердце стучало так, что казалось, его могли услышать снаружи. Пять лет крепости! Именно столько полагалось шпионам по имперскому закону. И это еще что... Кроация-Славония, а также Босния с Герцеговиной имели свои собственные законы, и по ним за шпионаж вешали.

Агенты проверили каплицу, заглянули под все окрестные кусты, успокоились и попрятались. Вокруг снова стало тихо. До появления маршрутника оставалось еще больше часа, но Павел провел его как на иголках. Холод и сырость донимали штабс-капитана все сильнее, но о гимнастике думать уже не приходилось. Единственное, что себе позволил, – это напрягать и расслаблять мышцы рук и плечевого пояса в статике, без движения, по методу циркового борца Ивана Засса. Побоялся он и хлебнуть из фляжки. Вдруг филер стоит за стенкой и услышит шум? Да и пить теперь было опасно, требовалась ясная голова. В ней билась только одна мысль: как же они проведали? Засада заняла позиции заранее, значит, место и время враг знал!

Наконец сквозь прутья решетки Лыков-Нефедьев увидел агента. Тот явился в переходном[5 - Переходное – демисезонное.] пальто бордового цвета и в шляпе с блестящей на солнце серебряной лентой. М-да... Халамидник, мысленно обозвал подчиненного Павел любимым ругательством Авестопуло. Догадался же так вырядиться на конспиративную встречу. Теперь он пропал – австрияки своего не упустят...[6 - Арестованного в марте 1913 года во Львове за шпионаж русского подпоручика Яцевича через три месяца обменяли на обер-лейтенанта

австрийской армии Валолоха, попавшегося русской контрразведке.]

Между тем подпоручик остановился возле нужной могилы и не спеша закурил. При этом папиросу он опять держал в левой руке, а правую сунул в карман. На всякий случай повторял сигнал закладки... Русские старались не передавать секретные бумаги друг другу на встрече, а только показывали, где их потом нужно взять. Если бы Яцевич послал пакет до востребования на центральный почтамт Лемберга, он держал бы курево в правой руке. И тогда забрать донесение уже нельзя – схватят в момент приема... А так следовало, что бумаги ушли по запасному варианту и есть шанс получить их. «Почтовый ящик» находился в монастыре бенедиктинок на Вечевой площади. Уже десять лет сестры содержали у себя школу для девочек. Учитель этой школы, русин по национальности (и католик!), работал на русскую разведку. Почту ему передавали тайком во время служб специально нанятые женщины. Они получали за свои услуги хорошую плату и считали, что помогают контрабандистам. Четыре или пять пронырливых теток шли клином, своими телами закрывая от чужих взоров подругу с пакетом. Филерам было почти невозможно отследить момент передачи почты в тесном пространстве костела.

Шансы есть, повторил про себя штабс-капитан. Надо только выбраться отсюда незамеченным, а делать это при свете дня рискованно. И он, дождавшись, когда маршрутчик ушел, опять присел на газеты в дальнем углу.

Потянулось длительное ожидание. Еще около часа по аллее шныряли филеры, вглядываясь в лица прохожих. Затем они исчезли, что вовсе не означало, что Павлуке можно выходить. Ему пришлось ждать темноты и дважды справить малую нужду в склепе... Хотя склеп был католический, православному русскому было очень неловко, да куда денешься?

В сумерках, также через ботанический сад, он выбрался в город и укрылся на съемной квартире. Хвоста за ним не было, либо разведчика вели очень опытные наружники. На всякий случай штабс-капитан проверился через кавярню[7 - Кавярня – кофейня.] пана Володзимежа возле часовни Боимов, где всегда толпились люди, а три выхода помогали скрыться незаметно.

Квартира находилась у Губернаторских валов. Небогатый отставник, ищущий места, не мог позволить себе большие траты, потому приют выбрал скромный. Зато и здесь имелось три выхода. Поспав кое-как несколько часов, Лыков-Нефедьев вышел из дому на рассвете и отправился на Рынок. Площадь уже

заполнили торговцы, они раскладывали товары и вяло переговаривались. Учитель из школы бенедиктинок толкался в зеленому ряду. Заметив разведчика, он зашагал прочь. Да будут благословенны старые города с кривыми улицами, узкими переулками и темными подворотнями! В одной из таких подворотен штабс-капитан рывком догнал связника, сунул ему банкнот в сто крон, а взамен получил тощий конверт. Ну? Волнуясь, он почти бегом двинул по давно изученному маршруту вокруг Латинского собора. Там имелись спасительные щели между дровяными сараями, которые выводили знающего человека куда надо.

Через час, переводя дух, Павел стоял на пороге своей явочной квартиры близ Песьего Рынка. Он приготовил ее еще зимой, оплатил на полгода вперед и надеялся отсидеться там в безопасности. С самого приезда во Львов два дня назад Лыков-Нефедьев здесь не появлялся. Только попросил письмом хозяина запасти пиво и легкую закуску. Теперь он намеревался отдохнуть, собраться с мыслями и принять решение – как выбираться из ловушки. Было ясно, что контрразведка, не сумев захватить агента на кладбище, перекроет все выходы из города. Яцевича наверняка уже допрашивают. Этот адрес никто не знает, найти Павла быстро у австрийцев не получится. Тем плотнее будут заставы.

Но сначала он хотел прочесть письмо. Столько опасностей пришлось преодолеть, а за-ради чего? Павел вскрыл конверт и стал читать донесение, одновременно запоминая его.

Итак, о польских делах... Яцевич был всего-навсего курьер, а сведения сообщал резидент в Галиции, которого штабс-капитан лично завербовал в Перемышле год назад. Огеньквар берег его как зеницу ока. Еще бы: агент сидел в крепости на реке Сан, которую, случись война, придется брать штурмом. Пока же резидент проник в канцелярию местного стрелкового союза и узнал много интересного.

Он сообщал, что Пилсудский был назначен главным комендантом вновь созданной организации «Союз активной борьбы» (САБ). И открыл его тайные отделения в Петербурге и Варшаве. А казначеем Польской военной казны стал ближайший сотрудник коменданта Анджей Сливинский. Таким образом, пилсудчики теперь полностью контролировали как военные, так и финансовые вопросы повстанческого движения. Казне начала активно помогать Полония (это было общее название всех польских эмигрантских организаций в Америке). Счет

пожертвований «на освобождение Польши» сразу же достиг десятков тысяч крон в месяц.

Не терял времени и австрийский Генеральный штаб. Он поддержал польский ирредентизм[8 - Ирредентизм – в XIX – начале XX века движение по объединению народа, разобщенного по разным государствам, в одно национальное государство.]. Стрелковые союзы были подчинены местным органам ландвера[9 - Ландвер – запас регулярной армии в Австрии и Германии.] в рамках допризывной подготовки. Им отписали три тысячи карабинов и патроны к ним, а также три тонны взрывчатки. Причем оружие и взрывчатка остались на армейских складах, они должны были попасть в руки поляков только после объявления войны России. Кроме этого, выделили и деньги: двадцать тысяч крон на развитие союзов и еще десять тысяч на пополнение Польской военной казны.

Пятого октября прошлого, 1912 года Пилсудский отдал приказ по САБ: членам союза добровольно отправиться в русские губернии бывшего Царства Польского и начать там подготовку к вооруженному восстанию. Галицию тогда переполнили молодые паньчи, которые бойкотировали русское высшее образование и приехали поступать во Львовский и Краковский университеты. Как раз начиналась Первая Балканская война. Атаман рассчитывал, что поднимется мутная вода и в ней сама собой созреет революционная ситуация. Но жизнь показала, что Пилсудский торопил события. В Россию тайком пробрались не более тридцати человек, остальные и не подумали выполнять приказ.

Десятого ноября 1912 года в Вене состоялась конференция представителей семи партий из русской и австрийской частей Польши. Они договорились в случае войны Австро-Венгрии с Россией сформировать временное правительство Царства Польского, которое объявит свою войну Николаю Романову. На деньги Габсбургов. Конференция объединила наиболее крупные структуры ирредентистов: Польский военный союз, военизированную крестьянскую организацию «Союз Бартоша», Легион независимости, Польскую армию, молодежное общество «Зет», Партию национальных демократов. Формировался единый фронт на случай чрезвычайных обстоятельств.

Для углубленной подготовки будущих командиров были созданы офицерские курсы в Кракове и унтер-офицерские – во Львове. А в селе Струж в окрестностях Лимановы готовилось открытие школы инструкторов Стрелкового союза. Сам

Пилсудский намеревался вести там занятия по тактике революционных войн и по военной географии Царства Польского как будущего театра военных действий.

Депутат российской Государственной думы Савенко опубликовал в газете «Киевлянин» подлинные документы о сотрудничестве Пилсудского с австрийским Генеральным штабом. Общественность Галиции сочла это провокацией. Но те, кто знал правду, поняли, что русская контрразведка в курсе происходящего. Юзеф Рыбак и его люди заматались. Польские полувоенные структуры охотно пришли им на помощь. Резидент в Перемышле писал, что добывать сведения стало очень опасно. Пилсудчики усердно ищут предателей. Поскольку само общество на их стороне, добровольных помощников пруд пруди, и легко попасться, когда за тобой приглядывает столько глаз. В феврале-марте в тюрьму угодило несколько агентов, завербованных Батюшиным и Галкиным. Вся разведывательная сеть в Галиции оказалась под угрозой провала.

Полковник Батюшин являлся начальником разведывательного отделения Варшавского военного округа, а полковник Галкин выполнял те же обязанности в Киевском округе. Эти два человека руководили шпионажем против Австро-Венгрии, а Батюшин действовал также и в Германии, в силу географического положения Варшавы. Теперь их противники мобилизовали против русской агентуры фактически все польское население Галиции. Положение уцелевших агентов осложнилось. Резидент писал, что временно прекращает шпионскую деятельность. И сам выйдет на Лыкова-Нефедьева по прежнему каналу связи – когда сочтет, что угроза миновала...

В конце письма агент сообщал любопытный факт. Пятьсот килограммов динамита было отправлено в Смоленскую губернию в целях активной разведки. В переводе на обычный язык это означало – для диверсий. В частности, планировалась порча искусственных сооружений на железной дороге. Ни больше ни меньше! Австрийский резидент, руководитель операции, проходил под псевдонимом Людвиг. О нем удалось узнать лишь одно: что он проник в Россию несколько лет назад под видом дезертира. Как звали этого человека сейчас, где именно он осел – таких сведений не имелось.

Штабс-капитан знал об этой уловке Эвиденцбюро. С 1901 года оно засылало в Россию офицеров под видом солдат-дезертиров. Наше правительство селило их в центральных европейских губерниях. Выдавало вид на жительство, ставило на год под надзор полиции и быстро забывало о существовании беглецов. Те ждали

год, натурализовались, женились, заводили себе дело, перебирались в другую губернию – и исчезали из виду. Следы бывших дезертиров терялись, да и паспорта можно было купить на другое имя. Так агентура Эвиденцбюро расползлась по стране. Людвиг стал одним из таких агентов глубокого залегания. Он дорос уже до поста резидента и был готов к активным операциям... Но почему Смоленск? Глубина осведомления разведки – пятьсот пятьдесят верст территории противника. А от Смоленска до границы больше тысячи. Город «тыловой», там нет недовольных режимом поляков. Это второй эшелон грядущей войны – пока еще туда доберется фронт... Но человек из Перемышля прямо указал: порча искусственных сооружений. Видимо, австрийцы готовят диверсионные отряды не только в прифронтовой зоне, но чуть ли не до Москвы. Чтобы затруднить переброску войск в нужное время. Э-хе-хе...

Еще одна фраза в донесении привлекла особое внимание штабс-капитана. Резидент сообщал: взрывчатка в Смоленске спрятана ненадежно и некий источник № 184 рекомендует переправить ее в более скрытное место, а именно в холодильник. Сидя в Перемышле, он не знал, что это за источник. Но Лыков-Нефедьев был в курсе: так в австро-венгерской разведке называли дружественную им разведслужбу Германии. А вот что такое холодильник?

Павел вспомнил слова отца, будто бы поляки считают русские западные губернии своими. Даже придумали для них название: Забранные земли. Смоленщина была под властью польских королей недолго. Неужели паны решили, что это дает им право захватить древний русский город при создании новой Польши? С них станется. Хотя диверсии на железной дороге еще не экспансия, а только военная операция, но аппетиты там будь здоров.

Штабс-капитан не стал забивать себе голову сложными политическими вопросами. В Петербурге разберутся. Но сначала надо туда попасть, целым и невредимым. И задача нелегкая, особенно после сегодняшнего провала маршрутника. Павлука прочел донесение резидента еще раз, запомнил его накрепко и сжег в печи. Сведения были важные, надо обязательно доставить их в Огенквар. Но как?

Он цедил пиво и чертил на столе пальцем невидимые знаки. Можно уйти на восток, туда путь самый короткий. Однако и самый опасный. На границе с Россией разведчика уже ждут. Прошерстили контрабандистов, утроили кордоны, нашпиговали филерами поезда, обошли все постоянные дворы и буфеты. Отставной артиллерист в поисках места сразу бросится в глаза. Паспорт у

штабс-капитана был настоящий, он обошелся в пятьсот рублей, жалко терять такую ценность. Но при тщательной проверке достаточно телеграфного запроса в Линц, и станет известно, что офицер ландвера Гереке сидит в родительском доме по болезни ног. И хлопчет о пенсии, а не о месте управляющего имением.

Можно попробовать пробиться в Черновцы и оттуда пролезть в Румынию – там разведчика ловить будут не столь усердно, как на русской границе. Или нырнуть в Транслейтанию[10 - Австро-Венгрия как двуединая монархия делилась на Цислейтанию (австрийские коронные земли) и Транслейтанию (венгерские коронные земли).] к мадьярам. Генеральное консульство Сербии в Будапеште являлось центром сербской разведки в Дунайской империи. Тайная организация «Черная рука», она же «Единение или смерть», создала в Венгрии собственную агентуру. Ее руководителя капитана Войслава Танкосича Павел хорошо знал. Чай, поможет спрятаться приятелю... Но люди Острого Меча[11 - Острый Меч – прозвище начальника Эвиденцбюро полковника Августа Урбанского фон Остерлица в русской военной разведке.] быстро делают успехи. С тех пор как Урбанский сменил своего ленивого предшественника Гордличку на посту начальника секретной службы, Эвиденцбюро укрепилось. В штат пришли сразу двадцать новых офицеров, появились крепостные отделения и дополнительные резидентуры. И теперь в Будапеште тоже небезопасно. Кроме того, недавно был учрежден еще один пункт для слежения за Сербией, в «Венгерском Гибралтаре» – городе Петервардейне. Ребята, чтобы отличиться, станут землю носом рыть. Нет, туда тоже опасно.

Оставался запад, где у двуединой монархии также имелись большие проблемы. Южный Тироль был населен итальянцами, которые спали и видели, как бы им присоединиться к своему народу. Союз «За Тренто и Триест», «Лига Данте Алигьери» и ряд других тайных организаций сотрудничали с итальянской секретной службой и готовили отторжение части австрийских земель. Офицеры Урбанского старались за ними приглядывать, но получалось так себе. Потомки Данте объединились. Возникло еще одно сильное национальное движение, с которым только полицейскими мерами справиться было невозможно. Сбежать через Триест, где штабс-капитана Лыкова-Нефедьева никто не ждет? А оттуда в Одессу. Почему бы нет? Но сначала требовалось исчезнуть из Лемберга, где на него открыта охота.

Перед исчезновением Павел хотел сделать еще одно дело. Здесь, на секретной квартире, он зимой спрятал отправительную[12 - Отправительная – передающая.] радиостанцию. Она занимала целый чемодан. Радиус действия

станции составлял всего пятьдесят верст, а работы аккумуляторов хватало на четыре часа. Кроме того, ее очень демаскировала пятнадцатисажженная проволочная антенна, без которой вести передачи невозможно. Технически использовать аппарат было трудно, однако штабс-капитан возлагал на него большие надежды. Начнется война, и прежние способы связи уйдут в прошлое. Курьера через линию фронта не пошлешь и почте донесение не доверишь – цензура начнет вскрывать все письма. Останется радио-телеграфия. И пусть пока ее аппараты несовершенны, будущее все равно за ними. Надо потихоньку их осваивать. Начальство молодого офицера смеялось над его идеями, и станцию ему пришлось купить за свой счет. Хорошо, что доходы с лесного имения позволяли делать такие дорогие приобретения.

Лыков-Нефедьев извлек аппарат, погнав его по эфиру, даже поймал какую-то передачу. Жаль, всего пятьдесят верст... Если доставить станцию, например, до Тернополя, сесть там под высоким деревом, забросив на него антенну, то теоретически можно дострелить радиogramмой до русской территории. Военным кодом «Цезарь», который примет и расшифрует любая наша рота искрового телеграфа. Вот только окрестные землепашцы быстро заинтересуются, что делает на опушке подозрительный чужак с большим ящиком... Надо создавать цепочку близко расположенных станций, размещать их на хуторах, обучать связистов, усложнять коды. Сдвигать наши принимающие аппараты к границе. Совершенствовать технику. Увеличивать численность войск связи. До войны не успеем...

Со вздохом Павел убрал громоздкий аппарат обратно в чемодан. Полно фантазировать, надо думать, как уносить ноги. Значит, на юго-запад, в Триест? Но только не с помощью русинов. Хотя они и расположены к братьям-славянам, но именно среди них штабс-капитана и будут искать. Уже ищут! Контрразведка знает, что приехал человек из Варшавы забрать важное донесение. Яцевича вели от Перемышля и едва не довели до агентуриста. Тот не явился на кладбище, но он где-то в городе. Сейчас шерстят гостиницы и меблированные комнаты. Визитер приехал день или два назад, по документам значится как коммерсант или кто-то подобный. Наверняка к проверкам подключили полицию и добровольцев-поляков из стрелковых союзов. А это десятки человек, если не сотни. Подпоручик сделал самое главное – успел передать письмо. Запутывая возможную слежку, он должен был вчера обойти все женские монастыри, а их во Львове восемь! Пока разберутся с монашками, пока обломают зубы об маршрутника... Павел уже покинет Лемберг. Надо действовать через евреев, через их контрабандную цепочку. Галицийские ребята с пейсами купили все кордоны от Бордо до Житомира и создали самую эффективную секретную

организацию, общеевропейскую, с большими оборотами. Товары они возили фурами и целыми караванами. Парфюмерия, фальсифицированные коньяки, предметы роскоши шли в Россию, а оттуда – монетное золото, золотой песок, опиум и меха. Таможни и пограничная стража ничего не могли сделать с этим предприимчивым народом. Слишком велика рентабельность, прибыли хватает, чтобы открыть любые двери. И потом они повсюду. Если во Львове иудеи составляли треть населения, то в Бродах, Борыславе и Залещиках – восемьдесят процентов, а в Болахове – девяносто шесть! Какая полиция, я вас умоляю?! Даже ушлые германцы махнули рукой на еврейский гешефт. Они приставили к каждому мойше по часовому. В результате развратились и хваленые гансы. Восточная Пруссия смахивала на контрабандный вавилон.

Утром отставной артиллерист Гереке в старом рыдване отправился из Сыгнивки[13 - Сыгнивка – еврейский квартал во Львове.] в Будапешт. Хозяин подрядился сбыть на Ривьеру партию русского каракуля, тайно прибывшую из Туркестана. Бухарские евреи беспощадно протащили его до Карпат. Скоро лето, к морю хлынут богатые бездельники... На выезде из Краковского предместья полицейский патруль проверял у всех документы. Увидев знакомого торговца, обер-шутцман сказал ему вполголоса:

– Не забудь для меня лавандового масла.

И сам поднял шлагбаум.

Глава 2. Тихий апрель

В начале апреля в Департаменте полиции сложилась необычная ситуация. Незадолго до этого, 21 февраля, по всей империи торжественно отметили трехсотлетие дома Романовых. В мае планировали августейший визит сначала в Германию. Дочь императора Вильгельма Второго Виктория-Луиза Прусская выходила замуж за принца Эрнста Великобританского. Должны были встретиться сразу три монарха: Николай, король Англии Георг и кайзер Вильгельм. А вскоре после этого наш государь собирался посетить места, связанные с воцарением его предка Михаила Федоровича. Владимир, Суздаль, Нижний Новгород, Кострома, Ярославль, Ростов Великий, Переславль-Залесский, Сергиев Посад и в самом конце – Москва. Целое путешествие, длинное,

хлопотное. И везде требовалось обеспечить охрану царского семейства. А человек, ответственный за это, пришел на должность совсем недавно и еще принимал дела. Свиты Его Величества генерал-майор Джунковский занял специально для него воссозданный пост товарища министра внутренних дел, заведующего полицией. Одновременно он был назначен командиром Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ). Таким образом, этот человек сосредоточил в своих руках вопросы и общей полиции, и политической. На хлопотную и трудную должность Владимир Федорович пришел из московских губернаторов, к делу сыска отношения раньше не имел и опытом не обладал. Зато у него с избытком хватало апломба и реформаторского зуда. Поэтому отношения товарища министра с директором Департамента полиции Белецким не заладились с самого начала.

Новый министр внутренних дел Маклаков, который и позвал своего приятеля Джуну на должность, доверил ему дело целиком. Генерал быстро завел жесткие порядки. Теперь ни один вопрос, касающийся полиции, не мог выйти на министра, минуя его товарища. Белецкий делал доклады первому лицу только в присутствии Джунковского, один раз в неделю и кратко. Все остальные вопросы Степан Петрович решал у Владимира Федоровича дважды в неделю и сидел там сначала по три-четыре часа. Но генералу эта говорильня быстро надоела, и он стал прижимать подчиненного.

Особенно интересовал нового начальника негласный фонд. На 1913 год секретная сумма Департамента полиции, не подлежащая ревизии Государственного контроля, составляла 5 298 073 рубля. Джунковский почему-то решил, что здесь кроется причина злоупотреблений по службе. Воображение рисовало ему картины, как Белецкий со своими вице-директорами жируют на эти средства, вписывают их в липовые ведомости на агентуру, кладут большую часть себе в карман и вообще морально разлагаются... В действительности денег секретного фонда едва хватало на многочисленные нужды, которые из него финансировались. На содержание Заграничной агентуры департамента уходило 260 000 рублей. Дворцовый комендант забирал себе 670 000 рублей, и 350 000 – петербургский градоначальник. Два миллиона шли в охранные отделения, 700 000 – на агентурные расходы губернских жандармских управлений и железнодорожных жандармов. Кроме того, 385 000 съедали разные предметы: пенсии, пополнение убранства домового церкви, содержание мест заключения политических арестантов и прочее. Еще 200 000 получал вечно голодный ОКЖ (добавочное содержание, пособия, хозяйственные нужды). И наконец, 560 000 рублей шли на усиление самого Департамента полиции. Он сохранил штаты тридцатилетней давности, которых давно уже не хватало для

эффективной работы. Поэтому вместо 127 человек там служило более 600 – все «лишние» были оформлены сверх штата. Маленькие оклады приходилось дополнять наградными деньгами, иначе люди уходили в градоначальство или на частную службу. Остаток средств (всего 76 000 рублей!) направлялся на кредит для сыскных отделений от Варшавы до Владивостока. Лыкову, например, на секретную агентуру доставалось из него лишь 5000 рублей, и он постоянно добавлял к ним личные средства...

Джунковский первым делом взялся разбирать, на что идут секретные деньги. Еще он занялся сокращением охраны высочайших особ – видимо, из соображений экономии. Для консультаций генерал-майор выбрал Лыкова. Статского советника давно уже не привлекали к таким вопросам, что его устраивало. Но Джунковскому, новичку в делах безопасности, требовался сведущий человек, в порядочность которого он, в отличие от Белецкого, верил. Ему порекомендовал обратиться к сыщику Гучков, негласный приятель товарища министра[14 - См. книгу «Паутина»]. И тот через голову директора начал чуть не ежедневно вызывать к себе его чиновника и мучить дилетантскими вопросами. Так прошла половина апреля.

Лыков рассказывал начальнику все корректно, но вполне откровенно. Вопросы безопасности – одни из самых болезненных для сановников. У них еще свежи в памяти страшные террористические акты недавнего прошлого: застреленные и разорванные на куски бомбами министры, губернаторы и даже великий князь. Но кровавый морок давно прошел, бомбисты попрятались. А раздутая охрана осталась.

Джунковский, надо отдать ему должное, начал с себя. Ему полагалось четыре караульщика, и он их быстро отменил. Затем взялся за своего шефа. Маклакова охраняло более ста человек! Два поста были учреждены даже на крыше дома по адресу Фонтанка, 16, где располагалась служебная квартира министра внутренних дел. Посты являлись заведомо бессмысленными, поскольку здание стояло особняком от других и попасть туда с соседних крыш было невозможно. Тем не менее люди мерзли там с утра до вечера, гремели кровлей, смешили обывателей... Джун очистил крышу, а остальную охрану уменьшил до шестидесяти человек при двух офицерах, заставив их дежурить посуточно через день.

Закончив с шефом, Владимир Федорович принялся за остальных сановников. Сильнее всего стерегли премьер-министра Коковцова – полсотни штыков во

главе с жандармским офицером. Хотя их содержание взяло на себя Министерство финансов (которым Коковцов руководил одновременно с премьерством), Джун не уgomонился. Экономить так экономить! И он упразднил чинов жандармерии, оставив лишь наружников охранной команды ПОО[15 - ПОО - Петербургское охранное отделение.]. Затем дошла очередь и до министров. У Рухлова, министра путей сообщения, отобрали всех четырех телохранителей и обоих у военного министра Сухомлинова. Только министру юстиции Щегловитову, Ваньке Каину, заслужившему всеобщую ненависть, оставили его шестерых сторожей. Алексей Николаевич мстительно предлагал лишить нехорошего человека такой чести, поскольку именно Щегловитов в свое время помог укатать сыщика в тюрьму. Но Джун понюхал воздух наверху и не согласился...

После министров настала очередь самого августейшего семейства. Неугомонный генерал начал проверять расходы на охрану великого князя Николая Николаевича, великой княгини Марии Павловны - старшей и даже вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Великий князь, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, обходился всего тридцатью чинами охраны, их ему и сохранили, сокращать не стали. Зато вдову бывшего командующего великого князя Владимира Александровича, Марию Павловну, решили обкорнать. Зачем ей пятнадцать топтунов? Ладно, когда был жив муж, ребята караулили их обоих. Но теперь кому была нужна эта старая и недалекая женщина? Однако Джунковский встретил сильное противодействие со стороны управляющего малым двором великой княгини генерала Кнорринга. Тот ни в какую не хотел уменьшить кадр охраны. Джун попросил Лыкова выяснить, в чем тут дело. Алексей Николаевич быстро разузнал, что такова воля самой Марии Павловны. Она привыкла видеть одни и те же знакомые лица на выходе из дворца и вблизи себя на улице. Здравовалась с охранниками, дарила им подарки на Пасху, даже крестила чьих-то детей. Как тут обидеть добрую старуху?

Лыков приватно переговорил с Кноррингом, затем с великой княгиней. Спокойно и вежливо, доступным ей языком сыщик объяснил ситуацию. Пятнадцать бездельников кормятся за казенный счет. Жизни вдовы ничто не угрожает, она даром никому не нужна. Следует сократить расходы. В результате штат охранников уменьшился сначала вдвое, а затем и вовсе был ликвидирован. Но Мария Павловна сжалась над отставниками и всех их наняла в качестве прислуги во Владимирский дворец!

С караулом вдовствующей императрицы Владимир Федорович решил вопрос сам. Как-никак он начинал службу в Преображенском полку, вместе с государем, тогда еще наследником. Императрица-мать знала его лично не первый год. Ее и без того опекала многочисленная дворцовая полиция, зачем еще чины департамента? Но на этот раз на его пути встал градоначальник Драчевский. Он нагло использовал полагавшихся Марии Федоровне людей Белецкого для своих нужд как посыльных. С помощью Алексея Николаевича, проведшего негласное дознание, Джунковский уличил в этом Драчевского и уменьшил штат охраны вдовствующей императрицы вдвое. А Лыков получил еще одного сильного врага, но ему было наплевать на это...

Чем больше входил в дела Джунковский, тем ниже падали фонды Белецкого. Кроме него, генерал невзлюбил и вице-директора департамента Виссарионова. Тот отвечал за политические вопросы, курировал самый важный в структуре Особый отдел и был крупным специалистом в политическом сыске. Алексей Николаевич не переносил Виссарионова как человека двуличного и угодливо-елейного перед сильными, но отдавал ему должное. Товарищ министра ополчился не только на руководителей сыска, но и на их методы. Вскоре выяснился его взгляд на то, что можно и что нельзя. Чиновник особых поручений лишь диву давался, как смог этот странный человек пролезть на столь ответственный пост. Пролез и начал все крушить...

Сначала Джунковский решил отменить внутреннее осведомление в средних и низших учебных заведениях. Поводом послужили аресты учащихся гимназии Витмер в Петербурге. Белецкий доложил, что подростки объединились в «Революционный союз» и требовали ни больше ни меньше как свержения царского правительства и учреждения демократической республики. И показал соответствующие бумаги. Генерал стал разбираться и с ужасом выяснил, что сведения полиции основываются на донесениях агентов. Таких же шестнадцатилетних школяров, как и жертвы их доносов. Возмущившись аморальностью произошедшего, Джун запретил развращать учеников. Сохранив негласное осведомление только в высших учебных заведениях.

Следом пришел черед армии. Генерал считал себя военной костью, хотя давно уже отбил от строя. Но прямая и солдатская душа его восстала против того, что жандармы внедрились доносительство и в войска. (Именно так, рисуясь своей порядочностью, Джун объяснял собственное недовольство.) Считая подобное недопустимым, разваливающим дисциплину и разлагающим дух армии, он ликвидировал в ней всю секретную агентуру одним росчерком пера. А

взамен рекомендовал «боковое освещение», то есть осведомление вспомогательными средствами, не напрямую. Например, поставить рядом с казармой табачную лавку, посадить туда агента, и пусть записывает, что говорят между собой солдатики... Профессионалы-разыскники от таких идей были в ужасе.

Когда Алексей Николаевич узнал об этом нововведении товарища министра, он сразу вспомнил слова Гучкова, что подавлять следующую революцию армия не придет! Не его ли поручение выполняет генерал Свиты Его Императорского Величества?

Однако новые ветры в МВД напрямую мало задевали Лыкова. Политический сыск – дело чужое, еще Благово завещал держаться от него в стороне. Уголовный сыск совсем другое. Охранители закона до смешного мало интересовались им, бросая все силы и средства на борьбу с крамолой. В результате преступность росла. Относительный порядок удавалось поддерживать лишь в столицах. Надзиратели сыскных отделений получали настолько мизерное жалованье, что вынуждены были нарочно не заполнять всех вакансий, чтобы делить экономию между собой! А что значит не заполнять? Приходилось трудиться за двоих. В штате, как правило, три-четыре надзирателя, у начальника отделения нет помощника. Денег не хватало даже на канцелярские расходы, и сыщики отрывали чистые половины от входящих бумаг и писали рапорты на них.

Так длилось много лет. Наконец власти спохватились. Полиция Российской империи жила по Временному положению от 1862 года! И с того же года не росли оклады жалованья. Департамент полиции разработал проект реформы еще по приказу Столыпина, но потом дело затормозилось. Против проекта восстали губернаторы, поскольку теряли власть над местными полицейскими силами – по новому закону все решалось бы в Петербурге. Маклаков собрал совещание из пятнадцати губернаторов, которые единогласно отменили эту норму. Подправленный законопроект ушел в Совет министров, где его мытарства начались по новой.

Алексей Николаевич, воспользовавшись хорошим отношением к себе Джунковского, убедил его в том, что необходимо помочь сыскной полиции хотя бы административными мерами. А именно провести совещание, которое разработает единый документооборот и улучшит организацию розыска. Он привел товарищу министра некоторые цифры:

- В лондонской полиции числится восемнадцать с половиной тысяч городских, подчиненных префекту, и еще тысяча починяется лорду-мэру. Это всего на три тысячи больше, чем в парижской полиции. А население Лондона больше населения Парижа на три миллиона человек! И справляются с преступностью англичане много лучше французов. Их городские даже не вооружены. Они ходят по улицам поодиночке, их присутствия вполне достаточно для поддержания порядка. Борются с обычными хулиганами, серьезные злодеяния - редкость. А парижские полицейские вооружены до зубов, передвигаются отрядами, но кровавые убийства, тем не менее, случаются через день.

- Почему так? - удивился генерал-майор.

- Тому несколько причин, Владимир Федорович. Одна лежит на поверхности: в Англии за умышленное убийство вешают. В течение трех дней.

- Ну, мы так не можем... А другие причины?

- Еще там хорошо организован уголовный сыск. Вы читали, наверное, у Конан Дойла про дурака Лестрейда? Это вранье. Скотленд-Ярд очень хорошо выстроен. Именно для борьбы с серьезной преступностью, хотя и горчишникам[16 - Горчишник - хулиган.] спуску не дадут. А у нас...

- Что вы предлагаете, Алексей Николаевич?

- Провести для начала совещание под вашим председательством. Тематика вопросов примерно такая: выработка инструкции чинам сыскных отделений; выработка единообразной формы отчетности и регистрации преступлений; объединение деятельности сыскной полиции с общей и железнодорожной полицией. Ну и еще найдется, что обсудить. Например, порядок задержания подозреваемых и обвиняемых.

- А тут что не так? - возмутился Джунковский. - Сто лет задерживаем, и вдруг надо переделать?

- В нашем министерстве среди прочих разрабатывается новый закон о неприкосновенности личности, - пояснил статский советник. - Надо, чтобы нормы будущего закона не противоречили инструкциям полиции. Лучше свести

их воедино сейчас.

– Гм. Вы и за этим следите? Похвально. Насчет совещания: сейчас мне, признаться, не до него...

– Понимаю, – перебил товарища министра чиновник особых поручений. – Кончатся торжества, все маленько передохнут, и в конце июня можно собраться. С новыми силами!

Джунковский вздохнул. Он с утра до ночи крутился с обеспечением охраны предстоящих торжеств. И сам мечтал о том времени, когда все закончится.

– Э...

– Если позволите, мы со статским советником Лебедевым подготовим соображения. А вы их рассмотрите... после путешествия Их Величеств.

Лебедев был шефом Восьмого делопроизводства, мозга русского уголовного сыска. А также приятелем и единомышленником Лыкова.

– Разрешаю и даже приказываю, – поднялся генерал. – Я дам команду вашему Белецкому.

Он не стал скрывать брезгливой интонации.

Лыков молча поклонился и вышел. Джунковский буквально сверлил ему спину тяжелым взглядом. Вот же человек...

Но взяться за подготовку совещания Алексей Николаевич не успел. Утром следующего дня его вместе с директором департамента вызвал к себе товарищ министра.

– Господа, вам срочное поручение. У Военного министерства нынче ночью украли авто. Шофера зарезали, подлецы...

– А мы тут при чем? – нахмурился Белецкий. – Преступления в столице дознает Петербургская сыскальная полиция. Пусть Филиппов и выкручивается.

– Я это знаю, – с досадой остановил подчиненного Джунковский. – Но наш обещал помочь.

– Вон как...

Маклаков был в столице новичок, он вырос в Москве и не имел нужных знакомств в высшем свете. Чтобы привлечь союзников, новый министр внутренних дел являлся даже с прохвостами. А на заседаниях правительства он присоединился к двум самым консервативным министрам – Сухомлинову и Щегловитову. Теперь за эту дружбу приходилось платить.

– А что скажет Драчевский? – попытался спрятаться за градоначальника Лыков. – Мы вторгаемся в его компетенцию.

Он помнил, как с такого же приказа, данного ему предыдущим министром Макаровым, начались злоключения, доведшие сыщика до тюрьмы[17 - См. книгу «Взаперти».]

– Драчевский лично телефонировал Маклакову утром, – вновь с досадой пояснил генерал. – И ехидно так предложил привлечь к делу вас, Алексей Николаевич. Видать, высоко ценит.

Все трое иронично хмыкнули. Товарищ министра продолжил:

– Градоначальник сказал: у вас там есть человек, зрит в землю на три аршина. Лыков ему фамилия. Пусть покажет себя, поможет Филиппову. Это он никак не может простить вам историю с уменьшением охраны Марии Федоровны... Надеется, что вы сломаете себе шею на поручении.

– Придется разочаровать Даниила Васильича и найти авто, – буднично ответил статский советник.

– Уж не подведите.

И Лыков отправился на Офицерскую, в ПСП[18 - ПСП – Петербургская сыскная полиция.]. Филиппова на месте не было, сыщика принял его помощник Маршалк.

– Слышал, слышал, – не дал он заговорить гостю. – Будете нас усиливать? Ну-ну, бог в помощь. А только мы бы и без вас справились.

– Как будто я этого не знаю, Карл Петрович. Но объясните это градоначальнику. Не возьметесь?

– Такому объяснишь...

– Вот и не налетайте на меня, как будто я вам противник. Давайте лучше про мотор.

Маршалк принялся рассказывать. Авто марки «Мерседес» модификации 16–40 принадлежало гаражу Военного министерства и обслуживало Главное военно-медицинское управление. Его угнали поздним вечером. Шофер отлучился купить папирос на Лиговке. А когда вернулся, получил сзади удар ножом под лопатку. Авто было с грузом – на заднем сиденье лежали шестьсот ампул морфия.

На этих словах Лыков встрепенулся:

– Морфий дает направление поискам.

– Еще как дает, – поддержал его энтузиазм Карл Петрович. – Филиппов сейчас этим и занят. Проверяет всех известных нам торговцев наркотикой.

– Похоже, я вам действительно не нужен. Дело простое, сами справитесь.

Тут вошел Филиппов. Он услышал последние слова чиновника особых поручений и возбужденно подхватил:

– Если желаете, и для вас найдется дело. Здравствуйте, Алексей Николаевич.

– Здравствуйте, Владимир Гаврилович. Неужели нашли? Так быстро?

Начальник ПСП аж пританцовывал, так он был возбужден.

– Ну, кто тут зрит на три аршина в глубину? – едва не крикнул он. – А? Представьте, мы тоже так умеем.

– Почему вы оба на меня напали? Дурак ляпнул глупость, а умные обиделись?

Лыков осерчал. Поручение с самого начала было ему неприятно, а тут еще реприманд от коллег. Но Филиппов уже спохватился и стал рассказывать другим тоном:

– Ампулы мы разыскали, в целости. Лишь четыре штуки успели пустить в дело.

– У Левки Апотекмана? – предположил департаментский.

– У кого же еще? В сарае, в застрехе. В Новой Деревне.

Апотекман начинал в Житомире как ученик провизора, в соответствии с фамилией. Но не устоял перед прелестями красивой жизни, перебрался в столицу, где за три года превратился в главного деятеля наркотического рынка. Почти весь продаваемый в Петербурге «кокс» проходил через его руки. При этом Левка был обаятельный, щедрый, его любили проститутки, всегда покрывали и помогали продавать товар в роз-ницу.

– Так. А что за дело для меня?

– Оружие у вас при себе? – ответил вопросом на вопрос Филиппов. Он открыл стол, порылся, извлек оттуда браунинг и сунул себе в карман.

– Нет, конечно. Сбегать?

– Не успеете, мы сейчас выезжаем.

– Владимир Гаврилович, расскажите все-таки, прежде чем ехать. Я же не дядя сарай, могу пригодиться.

– Да, – спохватился главный столичный сыщик. – Тем более Драчевский вас позвал. Значит, так. Апотекмана мы взяли, морфий взяли, а «Мерседес» придется отбивать. У Жоржика Могучего.

В комнате повисло молчание. Жоржик Могучий, по паспорту Георгий Яникопуло, крестьянин Херсонской губернии, был сейчас самым опасным человеком в Петербурге. По крайней мере, таким его представляли газеты. Не особо умный, зато бессердечный и действительно очень сильный физически, бандит совершил уже восемь убийств. И это лишь те, что полиция имела основания приписать ему, а сколько их вообще было на совести вурдалака, никто не знал.

Жоржик начал счет своим жертвам в Одессе и Николаеве, оттуда перебрался в столицу и уже здесь зарезал ювелира Мгольда с семьей и прислугой – сразу четыре трупа. Люди Филиппова сбились с ног, разыскивая херсонца. Но питерские «иваны» помогали коллеге до сей поры скрываться от полиции. Неужели сейчас появился след?

– Так что насчет оружия? – напомнил Владимир Гаврилович. – Могу одолжить, недорого возьму.

– Жоржик никого не застрелил, он любитель резать, – подал голос Маршалк. – Вряд ли прокурорский надзор одобрит, если Алексей Николаевич всадит ему пулю-другую. Вообще, называя вещи своими именами, ему бы лучше воздержаться от участия в аресте.

– Дудки! – возмутился Лыков. – Чтобы потом Драчевский продолжил свои глупые выходки? Пойду и сгребу вашего Жоржика. Без всякого оружия, голыми руками. Поглядим еще, насколько он могучий.

Сыскные принялись дружно отговаривать департаментского и были, конечно, правы. Опасный человек мог наделать в нем дырок. Но Алексей Николаевич махнул рукой:

– Времени нет на разговоры. Поехали. Чай, я кое-что повидал, на рожон не полезу. А гаденыш нужен живой, к нему много вопросов.

Средство от геморроя тех лет – специальный резиновый круг, который подкладывали на стул.

Так по-мальчишески статский советник ввязался в ненужное приключение. В душе он хотел наконец проверить себя. После того как в прошлом году бандит

Кутасов пробил сыщику бок, он долго лечился. Потом еще дольше восстанавливал физические кондиции. И было непонятно, восстановил ли... Лыков давно желал замешаться в боевое дело, но окружающие – и в первую очередь Азвестопуло – оберегали заслуженного, много раз раненного человека от прямой опасности. Даже в поездке в Приморье и на Сахалин не удалось ему почесать кулаки. Сергей смеялся, что шефу пора носить в портфеле на службу резиновый круг...w А тут удобный случай, и Сергея рядом нет!

В результате через четверть часа от здания ПСП отъехали два авто. Апотекман сообщил, что разыскиваемый «Мерседес» спрятан в конюшне одного темного извозопромышленника. Место было малолюдное, на углу Лейхтенбергской и Обводного канала. Филиппов взял с собой пять человек из полицейского резерва, в том числе Полухина и Кравцова, городских с выдающимися физическими данными. Сам начальник на всякий случай прихватил из арсенала бронированный щит с прорезью для глаз и ручкой внутри, который использовали во время опасных задержаний.

К удивлению Лыкова, сыскные сначала заехали на Преображенскую улицу, в лейб-гвардии Саперный батальон. Там забрали ящик с шипами, которые используются против кавалерии. Четыре шипа были соединены так, что, как их ни кинь на дорогу, всегда один будет торчать острием вверх. Филиппов многозначительно буркнул:

– Пригодится!

Он оказался прав. Когда автомобили с сыскными остановились за Балтийским вокзалом, к ним подбежал агент Изралов и сообщил:

– Мотор заводят! Не иначе, собираются ехать.

– Тем лучше, – обрадовался Владимир Гаврилович. – Не идти же на штурм. Пусть выезжает, там его и возьмем.

Чины полиции едва успели набросать шипы перед воротами, как они распахнулись и оттуда, фырча и отчаянно сигналив, вылетело авто. За рулем сидел рыжий парень, а на заднем сиденье возвышался гигант с шевелюрой до плеч. Физиономия у него была на удивление тупая...

Мотор на полном ходу проехался по шипам и тут же вильнул вбок. Шофер не удержал руль, когда зашипели и стали сдуваться проколотые камеры. От ободов колес полетели искры, с противным визгом авто доползло до высокого бордюра и застыло. Тут же городские бросились в атаку. Рыжий водитель метнулся к каналу и хотел уже сигануть в воду. Но его схватили за штаны и сдернули с перил, ткнув лицом в землю.

Иначе вышло с Жоржиком. Он тоже полез наружу и тут же попал в руки арестной команды. Полухин с Кравцовым вцепились ему в плечи, а надзиратель Кренев ударил под дых. Но дальше дело застопорилось. Атлет лишь крякнул и пинком свалил обидчика на землю. А потом стряхнул с себя противников, как малых детей...

В этот момент к нему и подскочил Лыков. Дитина с глупой физиономией, разгоряченный схваткой, обрадовался:

– Еще один? Накося!

И врезал правым кулаком. Алексей Николаевич успел прикрыться, но удар был такой силы, что его отбросило назад. Он бы упал, если бы не авто. Левая рука сразу онемела. А Жоржик опять занес огромный кулак.

Ситуация была аховая. Чины полиции все как-то ступевались, а некоторые лежали и не спешили подниматься. Краем глаза Алексей Николаевич увидел, что Филиппов отбросил ненужный щит и целит в бандита из «браунинга».

– Отставить! – крикнул он. И с ходу задвинул Могучему в печень. Однако тот, вместо того чтобы упасть, принял сыщика в охапку и стал душить. В глазах у статского советника потемнело, но он страшным усилием отвел ручищи от своей шеи. Грек очень удивился. И даже взглянул на врага с любопытством. Тут-то ему и прилетел удар – в челюсть, со всей силы.

Алексею Николаевичу показалось, что он жахнул в борт дредноута. Сыщик обезручел! Левая висела как плеть, а правую свело от боли. Но и Жоржик получил свое. Бандита сильно мотало, а глаза его сделались мутными.

– Клешни сюда! – приказал Лыков, стараясь скрыть, что и сам едва держится на ногах.

Жоржик протянул вперед дрожащие кулаки, и сыскные быстро заковали его в наручники.

- Поехали!

Рыжего посадили в один мотор, Могучего – в другой и помчались на Офицерскую. Агента Изралова оставили охранять «Мерседес». Алексей Николаевич ехал впереди, вместе с Филипповым и пленным шофером. Вдруг напротив Семеновского плаца сзади заверещал клаксон.

- Черт, опять! – воскликнул главный сыщик, поворачиваясь. Их авто остановилось. Лыков вышел наружу и увидел, как из второго авто вывалился грек в разодранной одежде и припустил вдоль рельсов Царскосельской железной дороги. На руках его блестели «браслеты» и болтались обрывки цепочки. Он порвал наручники! А в моторе стонали помятые сыскные, и никто не выскакивал следом, чтобы догнать беглеца.

Лыков впал в ярость, чего с ним давно не было. Девять убийств на него, если считать с несчастным шофером. Три месяца не могли его поймать. Вот схватили наконец и готовы упустить? Ну уж нет.

В несколько прыжков он настиг фартового, схватил за плечо и развернул, чтобы удобнее приложиться. Руки вдруг перестали болеть и налились небывалой силой. Убью, и черт бы с ним, подумал статский советник. А Жоржик, увидев, кто его сцапал, даже не стал сопротивляться. Просто пригнул голову и заслонился. В эти огромные, как арбузы, кулаки Лыков и въехал что было дури. Он пробил защиту и угодил головорезу в темя. Другой на его месте рухнул бы без сознания. Но Могучий опять зашатался, и только.

Алексей Николаевич в недоумении развел руками. Из чугуна он сделан, что ли? Добавить еще раз? Уже не в защиту, а в переносицу. А лучше в висок. Однако Жоржик не думал никуда бежать. Его закрутило вокруг своей оси. С трудом он выпрямился и проямлил:

- Пожа... лейте...

Статский советник едва не врезал еще, так он был зол. Второй удар мог иметь тяжелые последствия. И повлечь за собой прокурорскую проверку, что, учитывая прошлое Лыкова, было чревато для него неприятностями. Но тут подбежали городовые и скрутили беглеца. На этот раз руки ему сковали за спиной и дали несколько банок под ребра. А Лыков вернулся к своему авто. Он успел увидеть, как Филиппов убирает «браунинг» в карман и на лице его читается облегчение.

В кабинете Владимир Гаврилович долго жал коллеге руку, ничего не говоря. Было ясно и без слов. Все испортил резервный Полухин. Он высунулся из-за плеча начальства и сказал с подковыркой:

- А все ж таки Жоржик не упал!

- Не упал, - кивнул Лыков. Сил на спор не было: руки гудели, ноги подгибались...

Филиппов покрылся пятнами и зашипел на подчиненного:

- Прочь отсюда, шалыган!

Когда начальники остались одни, хозяин предложил гостю коньяку. Едва они махнули по рюмке, ввалился Маршалк и закричал с порога:

- Говорят, Жоржик Могучий не упал! Это после ваших-то ударов, Алексей Николаевич? По-ра-зительно!

Чиновник особых поручений отодвинул бутылку и сказал, ни к кому не обращаясь:

- Я, пожалуй, пойду.

Он шел до Фонтанки, 16, целый час, останавливаясь перед каналами и глядя на апрельскую, покрытую мусором воду. Напротив родной громады МВД сыщик успокоился. Ну, дело-то сделано. Головорез сидит в кутузке, бессрочная каторга у него, считай, в кармане. Статский советник хотел почесать кулаки? Хотел. И почесал. Атлетического сложения городовой Полухин поглумился над ним. А сам-то! Получил от Жоржика оплеуху и не торопился после нее вставать. Кравцов такой же. И молодые оба, стервецы, в сыновья ему годятся. Но

профурсили. А теперь барахоят языком. Это Лыкову надо смеяться над ними, а не наоборот. С резиновым кругом можно пока обождать...

Но руки у сыщика еще долго болели.

Глава 3. В отсутствие начальства

Конец апреля выдался для Лыкова с Азвестопуло совершенно бездельным. Они неспешно готовились к совещанию по борьбе с преступностью, которое намечалось на конец июня. После трепки Жоржику Могучему никаких боевых поручений им не давали. Драчевский был посрамлен, поскольку Алексей Николаевич вновь показал класс. Филиппов расписал действия коллеги в ярких красках, министр даже пожелал узнать из первых рук, что там случилось на Обводном канале. Статский советник доложил и удостоился устной благодарности. А потом наступило время, когда можно было безнаказанно переливать из пустого в порожнее.

Дело в том, что начальство Лыкова словно растворилось. Джунковский уехал сначала в Берлин готовить визит государя по случаю свадьбы дочери кайзера. После чего отправился по нашим городам, которые августейшее семейство собиралось посетить в ходе юбилейных торжеств. На Фонтанке Владимир Федорович появлялся редко и от текущих дел отмахивался: заботы о безопасности царя съедали все его время.

Белецкий же отошел от дел по семейным обстоятельствам. Его жена отравилась рыбным ядом и едва не отдала Богу душу. Вот уже вторую неделю бедная женщина находилась между жизнью и смертью, и доктора не давали никаких прогнозов. Степан Петрович переселился к ней в больничную палату, где дневал и ночевал. Раз в день ему привозили туда неотложные бумаги. Текущие дела вел первый вице-директор Кафафов. Он не обременял Лыкова с помощником заботами, и те могли хоть вообще не появляться в присутствии.

В конце концов Азвестопуло не выдержал и заявил шефу:

– Пора воспользоваться ситуацией.

- Это в каком же смысле?

- Весна в разгаре, Алексей Николаевич! Щепка на щепку лезет.

- Ты, сын Зевса! Думай о службе. Женатый человек, двое детей, а туда же...

Грек язвительно парировал:

- Есть и деды при внуках, которые туда же. А потом учат морали.

Лыков осекся. Он еще зимой, когда лечился от ранения, завел роман с тридцатилетней жевешкой[19 - Жевешка - женщина-врач (разг.)].

- Ну...

- Не «ну», а подпишите согласие на мой отпуск, - потребовал коллежский асессор. - На десять дней всего. Съезжу и вернусь.

- А куда намылился?

- В Смоленск.

- Батюшки, - удивился статский советник. - Что ты там забыл?

- Это вы забыли. Помните ту барыню, что ехала с нами в соседнем купе?

Алексей Николаевич наморщил лоб:

- Которая показывала нам разницу между корсетами? На себе. Как бишь ее звали? Августа Евлампиевна Мапететт?

- Она самая. Согласитесь, аппетитная штучка, а?

Шеф не стал спорить. Привлекательно-порочная дама и у него вызывала нескромные мысли - всю дорогу, пока они ехали из Владивостока домой. И он даже сумел получить при расставании в Москве ее смоленский адрес. А Сергей

не сумел.

– И как ты найдешь нашу русалку? – спросил Лыков, но тут же сообразил и изменился в лице: – Что, залез ко мне в стол?

– Вы мне сами рассказывали, как шарили в столе у Благово, когда были в моем возрасте, – не тушуясь, вновь поддел шефа помощник.

Он вынул из кармана телеграфный бланк и помахал им:

– Вот, уж и ответ получен.

– Ты с ней списался?

– Так точно, ваше высокородие. Текст был такой: буду днями в Смоленске, хочу зайти в гости.

– И?

– Ответила, что ждет.

Сыщики помолчали. Лыков раздумывал. Ну, хочет Сергей погулять на стороне. Как будто он, Лыков, сам без греха. Время для отпуска удобное, начальству не до них – когда еще такое будет? А инструкцию чинам сыскной полиции Алексей Николаевич и без помощника напишет...

– Извини, поездку на казенный счет я тебе сделать не смогу. Джунковский велел Лерхе обосновывать все командировки ему лично рапортами через голову Белецкого.

Тайный советник Лерхе заведовал в Департаменте полиции счетоводством и финансовой частью. Он знал товарища министра смолоду, пользовался его доверием и потихоньку наводил порядок в запутанных делах департамента.

– А я и не прошу. – Авестопуло картинно похлопал себя по карману: – Продал шкурки соболей. Втрое дороже, чем купил, правда! Деньжата на поездку есть. А одну шкурку ей привезу, чтобы стала покладистой.

- Махер[20 - Махер - делец.] с полицейским билетом! Правду говорят, что из одного грека десять жидов можно выкроить. Доиграешься - поедешь обратно в Сибирь соболей гонять.

- Что вам привезти из Смоленска? Говорят, там вкусные конфеты делают. Внуков побалуете.

Статский советник махнул рукой:

- Были вкусные, да сплыли. Искусство утрачено, теперь там сладости как везде.

- Ну, что тогда? Пастилы и здесь полно.

- Ты голову свою бестолковую привези в целости, вот и будет мне подарок.

Так они решили накоротке вопрос, который тогда показался пустячным, но потом имел серьезные последствия. Более того, Алексей Николаевич сам отнес Кафафову прошение Сергея о десятидневном отпуске. И на вопрос вице-директора, позволяют ли отлучку помощника текущие дела, беззаботно ответил:

- Именно сейчас можно. Высокому начальству не до нас.

Кафафов прослужил в судебном ведомстве двадцать четыре года. В Департамент полиции он пришел по соглашению бывшего министра внутренних дел Макарова с Щегловитовым, но оказался вполне порядочным. Константин Дмитриевич по прежней службе хорошо знал Лыкова, был с ним на «ты». И не стал обижаться, что сыщик не отнес его к высокому начальству. Сам грек, он благоволил к Авестопуло и подписал приказ о его отпуске с 25 апреля по 5 мая.

Сергей получил из рук шефа бумагу и едва не расцеловал ее. Вот что весна с людьми делает!

- Ну, полетел. Машке скажу, что поехал в командировку. На ревизию ихнего сысского отделения. Вы уж того... подтвердите, если она вдруг спросит.

- Ступай, охальник.

Лыков отпустил помощника и забыл о нем. Что может случиться с таким тертым парнем в красивом древнем городе?

Вдруг на четвертый день его срочно вызвал к себе Кафафов. Он был сам не свой.

– Вот, читай. – Вице-директор протянул чиновнику особых поручений телеграмму. – Только что пришла. Как твой помощник оказался в Смоленске? И что это за женщина?

Лыков прочел текст и не поверил своим глазам. Полицмейстер Смоленска Гепнер сообщал в Департамент полиции, что их чиновник коллежский ассессор Азвестопуло арестован по обвинению в убийстве дворянки Августы Мапететт. Улики бесспорные, подозреваемый помещен под стражу, открыто дознание. Гепнер просил прислать к ним представителя департамента для выяснения необходимых вопросов.

– Сергей кого-то убил?! Бред.

– Да не бред, а что-то случилось, – в сердцах поправил статского советника врид директора. – Обрати внимание, как формулирует полицмейстер. Сергей Манолович арестован по обвинению в убийстве, а не задержан по подозрению. Значит, улики действительно бесспорные. Его что, взяли с поличным над мертвым телом?

После паузы Кафафов заключил:

– Езжай туда и разберись. Но дело такое, что надо поставить в известность Степана Петровича. Ступай в больницу, а я пока приготовлю бумаги.

Лыков отправился в клинику Шапиро на Литейном. Всю дорогу он пытался размышлять. Августа Мапететт – та самая порочная барынька, в гости к которой Сергей и поехал. Но убивать-то ее зачем? Тут, конечно, глупость, Азвестопуло здесь ни при чем. Но схватили и обвинили именно его. Как такое могло случиться? Подставили, спровоцировали, подбросили улики и нашли лжесвидетелей? Единственное объяснение, ежели «улики бесспорные». Но как это сделали? Если только напоили питерского гостя до беспамятства... Зарезали бабу, его положили на труп и сунули в руку нож. А потом вызвали полицию. Собственно, Кафафов уже предположил такой вариант. А другого, пожалуй, и

нет.

Подходя к палате, где лежала несчастная Ольга Константиновна Белецкая, Лыков уже взял себя в руки. Конечно, директору сейчас не до него. Любимая жена, мать четверых детей который день между жизнью и смертью. Но доложить необходимо.

У дверей палаты сидел охранник. Он знал Лыкова в лицо и вызвал сиделку. Пришла тонкая женщина в возрасте, с истощенным монашеским лицом, выслушала статского советника и кивнула:

- Доложу, ждите.

Белецкий вышел почти сразу:

- Алексей Николаич, что-то срочное?

- Увы.

Сбиваясь, он рассказал директору о происшествии. Тот опешил:

- Не хватало мне еще и этого! Как мог Сергей Манолович вляпаться в такое? За каким чертом он поехал в Смоленск?

- Я выясню.

- Уж изволь! Это твой помощник.

- Изволю, - зло ответил сыщик. - Ты же меня знаешь. Так изволю, что тот, кто все это устроил, горько пожалеет.

Директор похлопал красными от бессонницы глазами и отмахнулся:

- Не хвались раньше времени. Ступай, мы дадим тебе все необходимые полномочия. Пусть пошлют телеграмму от моего имени губернатору. Там кто, Кобеко?

– Да. Я его знаю по Казани – порядочный.

– Это хорошо. В телеграмме напишите, что Департамент полиции считает случившееся недоразумением или провокацией. И что дознание они будут вести с участием представителя департамента статского советника Лыкова.

– Слушаюсь, – обрадовался Алексей Николаевич и умчался обратно на Фонтанку. Доложился Кафафову, вместе они составили текст экспресса, и сыщик поехал в железнодорожные кассы.

В Департаменте полиции имелись в большом количестве билеты на главные дороги, которыми чины ведомства пользовались бесплатно. Но Лыков хотел попасть в Смоленск как можно быстрее. Поэтому он сам составил себе маршрут: из Петербурга до станции Лихославль, бывшей Осташково, там пересадка на поезд Новоторжского участка Николаевской дороги до Вязьмы, а в Вязьме вторая пересадка на линию Александровской железной дороги до Смоленска. Объезжая Москву по новоторжской ветке, статский советник сэкономил чуть ли не сутки. Действовал он лихорадочно и уже 30 апреля увидел в окно вагона величественный силуэт кафедрального Успенского собора.

На вокзале столичного гостя никто не встречал. Да уж... Сыщик давно не оказывался в такой щекотливой ситуации. Вроде бы он начальник, важный чин МВД. И командировочное предписание при нем, и телеграмма губернатору отослана. Но ощущение такое, что он прибыл как проситель, и со здешней полицией придется ладить, а не командовать ею... Виданное ли дело: коллежский асессор из главного департамента всей государственной машины – и вдруг убийца! То-то журналисты обрадуются, когда узнают. И наверняка уже узнали.

Так вышло, что прежде Алексей Николаевич не был в этом городе и, несмотря на трудную миссию, глядел по сторонам с любопытством. Странности начались загодя. Последние сорок верст до города сыщик наблюдал еще один рельсовый путь, который тянулся параллельно Александровской дороге. Кондуктор пояснил, что здесь выходит к городу идущая с юга Данково-Смоленская линия Рязанско-Уральской дороги. Изобилие рельсов создавало необычный пейзаж. Лыков вдруг подумал: случись тут крушение, перекрыло бы сразу две артерии. Даже три, поправил он себя. Поскольку перед самым городом в их колею влилась Риго-Орловская дорога. Такую концентрацию чугунок еще поискать...

Первое впечатление от города всегда создает вокзал. Здесь их было аж два, друг напротив друга. Дебаркадеры соединяла ажурная арка с часами посередине. Чистенько и не очень суетно... Приезжий сел в экипаж и сказал:

- В лучшую гостиницу вези, так и быть. Какая у вас лучшая?

- Эдак-то по кошельку, вашеество, - тактично ответил извозчик. - Лучшие все по Большой Благовещенской. Чуть не в ряд стоят.

- А самая удобная какая считается? Кошелек выдержит, но уж если платить, так за дело.

- Ну, тогда вам напрямик в «Европейскую». Всего двадцать четыре номера, шумно не бывает. Ресторан. Только что после зимы открыли сад «Эрмитаж», увеселения всякие тама...

- Вези.

Пролетка тронулась. Через виадук они пересекли многочисленные рельсовые пути и двинули к высокому берегу. Лыков не мог оторвать глаз от красавца собора. Он решил сходить туда, как только позволят дела. Еще какие-то купола, на вид очень древние, мелькнули справа. Извозчик подсказал:

- Самая старая в городе церква, Петра и Павла. Очень ее народ почитает.

- А тот храм, что на горе? Смотрю и не налюбуюсь.

Смолянин повернулся к седоку и польщенно улыбнулся:

- Сам сколь годов ежжу, а тоже налюбоваться не могу. Всем храмам храм! А какой иконостас! Липовый резной, невозможной высоты. Чудотворный образ Смоленской Божией Матери Одигитрии. Говорят, когда сто лет назад взяли нас французы, сам Бонапарт вошел в собор в шапке. Не снял, басурманин, показал свою жалкую породу. А огляделся вокруг, ахнул - и сорвал картуз. Во как! Благодать постиг. Вышел зенки в пол, потупивши гордыню. И караул поставил у входа, чтобы, значит, другие нехристи не безобразничали.

– Ты на дорогу смотри, – напомнил ему Лыков.

– А что ей сделается? Вот. У нас храмов благодать как много. Древние и поновее, всякие имеются. Местов других о-го-го. Вы сходите, барин, в Лопатинский сад, погуляйте. Крепость также...

За разговорами они пересекли по железному мосту Днепр и оказались на левом его берегу.

– Во, Богоматерская церковь. – Извозчик указал кнутовищем на белый храм с проездной аркой посредине. – Балкон зрите? Туда, говорят, Бонапарт велел втащить две пушки и сам наводил их, когда стрелял по отступающим русским войскам. Бесовское отродье! А верно говорят, что у него, когда помер, доктора хвост обнаружили?

Алексей Николаевич заверил возницу, что хвоста у Наполеона не было. Но тот, кажется, не поверил.

Гостиница «Европейская» оказалась вполне комфортабельной, да еще и наполовину пустой. Ковры в коридорах заглушали шаги. В номере – ванна и телефон. Гость взял комнату на втором этаже, окнами на Пушкинскую улицу. Привел себя в порядок с дороги, надел мундирный сюртук со старшими орденами и отправился к губернатору.

Алексей Николаевич познакомился с Кобеко в 1904 году, когда дознавал кражу чудотворной иконы Казанской Божией Матери[21 - См. книгу «По остывшим следам»]. Дмитрий Дмитриевич был тогда казанским вице-губернатором и как мог, помогал сыщику. Чуть не на глазах Лыкова Кобеко стал жертвой покушения. Спасся он лишь потому, что одна из двух брошенных в него эсерами бомб не взорвалась. Администратора контузило, осколок вырвал кусок щеки, но в целом он легко отделался... Карьера его после этого пошла в гору, он был назначен сначала тульским губернатором и вот теперь командовал Смоленском.

В губернаторском доме за городским садом со странным названием «Блонье» приезжего ждало разочарование. Кобеко был в отъезде и ожидался лишь через два дня. Спросив, где тут полицейское управление, сыщик пошел ловить Гепнера. Полицмейстер сидел буквально за углом, на Королевской улице. Здание управления пряталось за красивым корпусом губернской гимназии, так

что сыщик не сразу его отыскал. Здесь его ждало второе разочарование.

Коллежский советник Гепнер, видимо, хотел куда-то уходить, и появление гостя спутало его планы. А тут еще такой неприятный вопрос... Он сразу, не слушая сыщика, взял быка за рога:

– Получил я вашу телеграмму, но удивлен, удивлен. Какое еще дознание? Оно уже закончено. Там и дознавать-то нечего, все ясно как день. Ваш сослуживец приехал сюда блудить, ведь так? И доблудился. Не знаю, что уж у них там вышло, видать, она стала кочевряжиться, а были уже оба пьяны... Ну и сами понимаете что.

– Не понимаю, господин полицмейстер. Давайте рассуждать здраво, а не так.

– Давайте! – сразу вспылал коллежский советник. – Думаете, если вы из Департамента полиции, то мы побоимся вывести наружу правду? Не на таких напали!

Лыков, стараясь сохранять хладнокровие, ответил:

– Вовсе мы так не думаем, постыдитесь возводить на нас поклеп. Мы ищем истину. Я знаю Азвестопуло много лет. Два ордена, три ранения, высочайшая благодарность... Убить женщину он не мог, это очевидно. Тут какая-то провокация уголовных. Вы сказали, дознание уже закончено и дело у следователя? Придется начать повторное дознание.

– Попробуйте. Только учтите, что прокурор у нас очень принципиальный. А судебный следователь по важнейшим делам коллежский ассессор Резников – такой законник, что поискать. Так что не смею вас задерживать, вам к нему. Вы где остановились, в «Европейской»?

– Да, в ней.

– Окружный суд у вас через улицу, угол Пушкинской и Большой Благовещенской.

И коллежский советник добавил ехидно, надевая фуражку:

– Очень удобно!

Лыков вышел на крыльцо обескураженный. Откуда такие берутся? Свой брат полицейский попал в беду в чужом городе, его очернили и оболгали. Помоги ему, поддержи. Взгляни на улики по-другому, ищи доказательства в защиту несчастного, а не в обвинение. Вот клеенка...

Сыщик вновь прошел насквозь весь сад Блонье, постоял у монумента композитору Глинке, местному уроженцу, одобрил архитектуру Дворянского собрания напротив памятника. Хотел выпить кофе возле лютеранской кирхи, но присутственные часы уже кончались, и он поспешил к следователю.

Окружный суд занимал весь второй этаж доходного дома Рачинского. На первом располагались богатые магазины – табачный, магазин часов – и сидел нотариус. Лыков разыскал «законника, каких поискать» в обширном кабинете пьющим чай.

– Вы к кому? – недовольно спросил тот, отодвигая стакан.

– Статский советник Лыков, чиновник особых поручений Министерства внутренних дел, прикомандированный для занятий к Департаменту полиции.

– А... Примчались выгораживать убийцу? Ну-ну. Только у нас законы на первом месте, учтите.

– У нас тоже. Меня зовут Алексей Николаевич, а вас?

– Дмитрий Наркизович.

Резников смотрел на него по-особому, словно хотел что-то сказать, но не решался. Потом все-таки сообщил:

– Ваш начальник отправил телеграмму губернатору, я знаю об этом.

– Конечно, мы не можем оставить обвинение нашего чиновника без внимания. Тем более если он обвиняется в убийстве.

Судебный следователь вздохнул:

– Дело в том, что прокурор камер-юнкер Брок тоже получил телеграмму – от министра юстиции Щегловитова. С требованием вести следствие, невзирая на чины.

Ванька Каин опять встал Лыкову поперек дороги. Что за планида у дурака? Но приходилось учитывать то, что сообщил коллежский асессор.

– Спасибо за эту деталь, – ответил Алексей Николаевич. – Я был сейчас у Гепнера, он и послал меня к вам. Сказал, что дознание закончено, вы завершаете следствие. Почему так быстро? И трех дней не прошло.

– А потому, что обстоятельства преступления кажутся всем, и мне в том числе, абсолютно ясными. Чего тогда тянуть?

– Я хочу ознакомиться с актом дознания.

Резников нахмурился:

– Я вправе вам отказать.

Лыков молча ждал продолжения, решив, что с этим человеком лучше договориться по-хорошему. Он из другого ведомства, которое всегда ставило себя выше полиции. И сейчас ход за юстицией.

Следователь будто услышал мысли сыщика и смягчился:

– Понимаю ваше беспокойство, желание помочь товарищу. Давайте так. Я ознакомлю вас с материалами следствия, можете делать выписки, задавать вопросы. Одного я вам не могу обещать: понимания со стороны прокурора. Он, чтобы угодить министру, готов своего папашу осудить...

– Еще раз спасибо. День уже кончается. Я ведь не могу взять материалы в гостиницу, придется сидеть в вашем кабинете. Мне прийти завтра утром?

– Да, к половине десятого. Честь имею!

Ободренный питерец отправился в номера. Ему не терпелось быстрее увидеть акт дознания, но Резников и так обещал ему помощь в противовес начальству. Следовало вести себя корректно с возможным союзником. Оставалось перекусить, осмотреть город и ждать утра.

Алексей Николаевич решил, что в ресторане гостиницы он еще успеет поужинать. Оставалось часа три светлого времени, и гость отправился гулять. Но сначала он отобедал в «Кафе-Рояль» на Почтамтской, рядом со зданием штаба расквартированного в Смоленской губернии Тринадцатого армейского корпуса. Видимо, поэтому в зале сидело так много офицеров. Лыков знал от приятеля, барона Таубе, что корпусом командует подающий надежды генерал-лейтенант Алексеев. Но в деле, из-за которого приехал чиновник особых поручений, военные помочь не могли. Поэтому рекомендательных писем он не прихватил.

Кухня ресторана оказалась вполне приличной. Питерец истребил суп биск раковый, котлеты а-ля-минут с бобами по-английски и запил это английской же горькой водкой. Ужин сопровождала приятная струнная музыка в исполнении концертной капеллы дирижера Берлявского. Все было чинно и немного скучно. Многие смоляне пришли с женами и ужинали по-семейному. Желая пройтись, сыщик не стал засиживаться. Он успел немного: посетил Лопатинский сад и осмотрел несколько ближайших башен кремля. Сад ему понравился, а кремль напомнил родной нижегородский, хотя был на сто лет моложе. Зато на вид он казался огромным: фрагменты стен с башнями расходились далеко-далеко в стороны. Гость купил туристический план и поразился. Длина стен – пять верст восемьдесят сажений! В Нижнем две с небольшим версты. Тридцать восемь башен! У него на родине их всего тринадцать. Правда, кремль на Волге цел, стены тянутся сплошным фронтом, а здесь, на Днепре, их словно нарезали на куски. И подлинных башен осталось всего шестнадцать, да еще две заново построили в девятнадцатом веке на месте прежних.

Кроме того, судя по плану, внутри огромной площади, занятой смоленской цитаделью, расположились жилые кварталы. С улицами, площадями, монастырями, пригорками и оврагами... Чуть не половина Смоленска помещалась в кремле! Большие доходные дома и хибарки обывателей, магазины, бани, сараи, сады с огородами. В Нижнем Новгороде иметь внутри кремля жилые дома не полагалось, всю его территорию захватила власть. Ну, оставили немного духовенству...

Уже в сумерках гость осмотрел бульвар памяти 1812 года. Открывать его год назад приезжал государь. На бульваре, укутанный полотном, стоял памятник. Вокруг копошились мастеровые. Газеты писали, что монумент обещает быть необычным. На вершине скалы сидят два орла, а снизу к ним карабкается дерзкий галл с мечом. Хочет, негодяй, разорить гнездо. Могучий орел сердито взирает сверху на пришлеца и положил ему когтистую лапу на руку, сжимающую меч. За его спиной застыл наготове другой орел. Птицы символизировали две русские армии, соединившиеся под Смоленском. Оригинально и выразительно... Прохожий пояснил, что открыть памятник обещают к сентябрю.

Спал Алексей Николаевич плохо. Ему снился помощник – в кандалах и арестантском халате. Он сказал: курва стала себе цену набивать, я ее и кончил. А писарь с красным носом торопливо занес слова арестованного в протокол.

Утром питерец раздумывал, не пойти ли ему сначала в сыскное отделение. Познакомиться с кадром, расспросить. Полистать протоколы. Но потом он решил, что лучше сделать это после общения с судебным следователем. Резников обещал показать акт дознания. Если Сергея подставили, он, Лыков, увидит нестыковки. И укажет на них Дмитрию Наркизовичу. Тогда тот вернет дело, и начнется привычная сыскная работа, в которой статский советник собаку съел. Азвестопуло сразу вызовут на допрос, Лыков увидит и поддержит своего незадачливого помощника и узнает из первых рук, что же там случилось.

Поэтому ровно в половине десятого статский советник явился в знакомый кабинет. Резников уже был там и опять чаевничал. Он угостил и питерца, затем молча выложил на стол папку и занялся своими делами. А Лыков погрузился в изучение материалов. От нетерпения у него даже руки дрожали. Сейчас все выяснится!

Итак. Августа Евлампиевна Мапететт, урожденная Ерастова, разведенная, проживала в собственном доме в Офицерской слободе, на углу Константиновской и Александровской улиц. Дворника у нее почему-то не имелось, да и остальная прислуга оказалась проходящей. Видать, женщина вела такую веселую жизнь, что лишние глаза ей были ни к чему. Так или иначе, полицию вызвала кухарка, которая пришла к хозяйке в пять часов утра 27 апреля (почему так рано?) и обнаружила жуткую картину.

В спальне на кровати, одетая в нижнюю юбку и корсет, лежала на спине разводка. Она вся была в крови, которая истекала из трех глубоких ножевых ран: двух на груди и еще одной на животе в области селезенки. Все раны были смертельными.

На полу рядом с кроватью безмятежно спал мужчина! Он тоже был в белье, обильно закапанном кровью жертвы. Рядом, возле его правой руки, валялся окровавленный нож.

Дойдя до этих слов, сыщик спросил:

– Дмитрий Наркизович, белье, что сняли с Азвестопуло, где сейчас?

– Здесь, в камере вещественных доказательств. Оно будет предъявляться в судебном процессе.

– Распорядитесь, пожалуйста, чтобы его принесли. Хочу осмотреть и убедиться в одной догадке.

– Хорошо.

Следователь отправился за служителем, а Лыков продолжил читать материалы.

Кухарка Мокрида Сутулова кинулась в полицию и даже догадалась подпереть поленом дверь снаружи, чтобы преступник, проснувшись, не сбежал. Ее предосторожность оказалась напрасной. Тот и не думал скрываться и до самого появления полиции продолжал крепко спать. Прибывшие на вызов чины сысского отделения кое-как растолкали неизвестного и предъявили дело его рук. Мужчина обалдел и вообще говорил с трудом, настолько был пьян. Он назвал свое имя, вынул паспорт и, чуть позже, полицейский билет, так и выяснилась его принадлежность к Департаменту полиции. Обескураженные сыщики во главе с начальником отделения губернским секретарем Ткачевым послали за полицмейстером и судебным следователем. Пока те ехали, с задержанного сняли первый допрос. Он категорически отрицал свое участие в убийстве, но не мог объяснить, что же тут в его присутствии произошло. Азвестопуло высказал предположение, что его опоили каким-то дурманом, а потом зарезали хозяйку и ушли, подбросив нож и измарав питерца кровью. Столь неправдоподобное объяснение вызвало у чинов отделения понятное

недоверие. Вот орудие убийства, вот три пустые бутылки из-под вина... И два участника события: мертвый и живой. Кто мог опоить гостя, а главное, как и когда? Сама хозяйка налила в бутылки дурмана? А потом впустила злодеев, чтобы те ее прикончили? Забавная версия... Но у питерца других не было. Он только попросил немедленно сообщить о происшествии в департамент. Оттуда приедет такой человек, которого не проведешь.

С подозреваемого сняли отпечатки пальцев и выяснили, что они совпадают с теми, что остались на рукоятке ножа.

На этом месте пришлось прервать чтение, поскольку принесли улики. Алексей Николаевич разложил на столе подштанники и нательную рубашу, что были в ту ночь на Азвестопуло. Он стал внимательно разглядывать белье и через минуту удовлетворенно хмыкнул:

– Взгляните, Дмитрий Наркизович. Видите?

Следователь встал рядом:

– Что именно я должен увидеть?

– Как лежат пятна крови.

– А как они лежат? Забрызгало, когда ваш помощник ударял женщину ножом.

– Если бы это было так, пятна имели бы форму, вытянутую книзу. Вот я преступник. Наносу три удара. Кровь брызжет из ран небольшими фонтанчиками, поскольку это не перерезанные артерии, на грудь и живот.

– Ну?

Лыков стал терпеливо объяснять:

– Если удары были нанесены стоя, то брызги из ран летели бы вперед и вниз, под собственной тяжестью. Попав на рубашу, они стекали бы опять же вниз. И каждое пятно крови имело бы соответствующую форму – вытянутую к полу. А что мы видим тут? Аккуратные капли, примерно две дюжины на рубаше и еще

немного на подштанниках. Такие, словно их роняли на лежащее тело сверху из пипетки.

Коллежский ассессор зачем-то потер пятно ногтем. Вид у него стал озадаченный.

– Дмитрий Наркизович, это же очевидно. Попробуйте провести следственный эксперимент, лондонская полиция часто их практикует.

– Но погодите, погодите, – протестующе поднял руки Резников. – Азвестопуло напал на госпожу Мапететт с ножом, это же очевидно! А пятна... Она сопротивлялась, не хотела умирать...

– Из чего вы делаете вывод, что она сопротивлялась? В таком случае на руках Азвестопуло, на его рубахе остались бы следы крови в виде отпечатков ее пальцев. Они есть? Их нет.

– Но кровь не стекала вниз по той же рубахе потому, что сразу же впиталась в ткань!

– Рубаха не бязевая, а из плотного батиста. – Сыщик тоже потер материю пальцем. – Вся кровь мгновенно впитаться не успела бы. И потом, три удара были нанесены быстро, в движении, люди не стояли как статуи, они перемещались. И брызги летели бы на убийцу так, что испачкали бы его спереди и с боков. Тогда их след на боках был бы косой, от груди к спине. Вы видите такие? Лишь ровные аккуратные капли, нет ни стекающих вниз, ни идущих вбок. Азвестопуло лежал без движения, видимо, опоенный «малинкой». А на него сверху брызгали кровью. Аккуратно, но глупо. Где следы борьбы, сопротивления жертвы? Где заляпанные окровавленными руками госпожи Мапететт простыни? Ничего этого я в протоколе осмотра места происшествия не увидел.

– Но три бутылки вина!

– Что с того? Настоящие убийцы вылили их в помойное ведро или выплеснули в окно, а потом поставили на стол для убедительности. В доме есть водопровод? Заглянули ли сыщики в отхожее?

– Понятия не имею, – пожал плечами следователь. – Я быстро оттуда уехал.

– Уверен, что ребята схватили моего помощника, обрадовались, что убийца пойман, и осмотр провели спустя рукава. Я должен заново осмотреть и обыскать место происшествия.

– Но как? Дознание уже закончено.

– Верните дело в сыскное отделение для повторного дознания. На основании вновь установленных фактов.

Резников вздохнул:

– Алексей Николаевич, вы не убедили даже меня. Хотя я хочу вам помочь. А переубедить прокурора... Он не даст разрешения.

– Вам и не нужно его разрешение. То, о чем я прошу, в вашей власти.

– Формально так. Но коллежский советник в звании камер-юнкера Брок съест меня с потрохами. Я и без того слышу в юстиции либералом и вызвал уже неудовольствие министра. Нет, мне нужны более убедительные доказательства.

Алексей Николаевич развел руками:

– Этих вам мало? Мне как сыщику все уже ясно. И не потому, что я хочу обелить своего помощника. Просто мои коллеги сделали все топорно. Подделка улики очевидна, не семи пядей во лбу ваши фальсификаторы. Если желаете, вызовем экспертов из Петербурга, они вашего камер-юнкера на смех поднимут. Вместе с губернским секретарем Ткачевым. Кто он такой? Если съел подделки и не поморщился, значит, он дитя малое, а не начальник сыскного отделения! Я ему так хвост накручу, что со службы вылетит!

– Не успеете, он скоро уедет из Смоленска.

– Вот оно что... Ткачеву все равно, будет пойман настоящий убийца или пострадает невинный человек?

– Увы, – подтвердил судебный следователь. – Я сейчас же доложу прокурору суда ваши соображения и предложу вернуть дознание в сыскную. Попробую

напугать Брока тем, что из столицы приехал статский советник Лыков, доверенное лицо министра... Могу так сказать?

- Валяйте, хоть это и неправда.

- Скажу, поскольку наш камер-юнкер трусоват и не любит ссориться с Петербургом.

- Давайте пойдем вместе, - предложил статский советник. - Я так его пугану...

- Идемте, - буднично ответил следователь. И они отправились в другой конец этажа.

Прокурор смоленского Окружного суда оказался человеком тучным, с розовым лоснящимся лицом и маленькими хитрыми глазками. Точно поросенок, подумал сыщик. Брок выслушал гостя и поддакивавшего ему следователя и задал Лыкову странный вопрос:

- Ваш Азвестопуло женат?

- Да. Но какое это имеет отношение к делу?

- Прямое. Зачем он сюда приехал? Августа Мапететт слыла дамой, неразборчивой в связях. Наблюдить решил ваш помощник? Сразу ясно, что он преступного склада ума.

- Даже так? - закусил удила питерец. - В Уложении о наказаниях действительно есть статья за прелюбодеяние, если последует жалоба оскорбленного в чести супруга[22 - Согласно ст. 1585 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, уличенному в прелюбодеянии супругу по жалобе другой стороны назначалось тюремное заключение на срок от 4 до 8 месяцев с последующим церковным покаянием.]. Но обычно люди договариваются между собой без вмешательства закона. Иначе в тюрьмах сидела бы половина населения империи... Вы сами, видать, без греха? Никогда чужих жен не лущили?

Прокурор из розового сделался красным:

– Я слышал о вас, господин Лыков. О ваших методах дознания. Вы ведь и в тюрьме успели из-за них посидеть?

– В тюрьме я был, – подтвердил сыщик. – По ложному сфабрикованному обвинению. Попались такие же, как вы, – что ни дай, все съедят.

– Я попрошу... – начал было Брок, но Лыков резко оборвал его:

– Именно потому, что сам стал жертвой судебной ошибки, я ни в коем случае не допущу, чтобы она свершилась еще раз здесь, в Смоленске. И всякий, кто посмеет мешать мне установить истину, будет наказан.

В кабинете стало слышно, как в окно с улицы стучится шмель. Алексей Николаевич понял, что сказал лишнее. Но было уже поздно. Прокурор с оскорбленным видом молча указал ему на дверь, и питерец вышел. Следом за ним выскочил и Резников. Он укоризненно прошептал:

– Вы только все испортили. Теперь я не смогу отправить дело на повторное дознание.

Вдруг он развернул сыщика лицом к лестнице и сказал:

– Вот кого боится сейчас наш камер-юнкер. Видите того господина в серой визитке?

Лыков всмотрелся: возле лестницы стоял знакомый ему по Петербургу человек по фамилии Аванесян. Тот самый присяжный поверенный с лицом абрека, который защищал в суде головорезов «ивана ивановича» Рудайтиса[23 - См. книгу «Паутина»]. Тогда сыщик и адвокат сцепились, и Аванесян критиковал правоохранителя за жесткие методы. Но потом они уладили отношения и при встрече в столице вежливо раскланивались.

– А почему Брок боится Аванесяна? – спросил питерец у смолянина.

– Вы его знаете? Он гроза нашего Окружного суда. Выиграл три дела подряд, выставил прокурора в самом дурацком виде. А тот считал свое обвинение абсолютно доказательным.

– Понял, – ухмыльнулся Лыков. – Дайте мне полчаса, и надеюсь, камер-юнкер изменит свое решение.

Он подкрался сзади к Аванесяну и сказал:

– Приветствую вас, Сурен Оганесович. Какими судьбами?

Присяжный поверенный развернулся, увидел сыщика и приятельски протянул ему руку:

– Ба, и вы в Смоленске? Погодите, погодите... Мне только что рассказали, что арестован чиновник Департамента полиции. Его нашли возле убитой им потаскухи. Вы поэтому здесь?

– Да. А чиновник – мой помощник Авестопуло, вы наверняка его помните.

– Ваш грек? Конечно, помню. Он не похож на убийцу падших женщин.

– Сергей ее не убивал, это очевидно. Но не всем. Я сейчас вдрызг рассорился с прокурором, который отказывается вернуть дело на повторное дознание.

– А вам надо, чтобы вернул? – догадался Аванесян.

– Да, поскольку в этом случае я найду настоящего убийцу. Конечно, я его так и так найду, но все должно идти надлежащим порядком. Опять же, Сергей сидит в следственной тюрьме. За то, чего не совершал.

– Если его посадили, значит, у обвинения на руках крепкие улики...

– Это они так думают, – возразил сыщик. – Я уже обнаружил явные подтасовки, всего-навсего пролистав бумажки. От обвинения камня на камне не останется. Но мне нужно участвовать в дознании. Вы готовы в случае чего защищать Сергея Маноловича в суде? За весьма достойный гонорар.

Адвокат вскинул голову, как строевой конь при звуке трубы:

- Во-первых, я очень молодой. А во-вторых, очень алчный. Конечно, готов!

- Тогда пойдете сейчас к прокурору и скажите ему это в лицо. Угощение в ресторане за мной.

- К Броку? Лихо я его в последний раз извазякал! Как говорят в кадетских корпусах – мордой об стол.

- Да, он вас сейчас боится, – подтвердил сыщик. – Ну, идемте? В «Кафе-Рояль» очень вкусный судак гримольди. Официант вчера хвалил.

- Я предпочитаю мясо, – закапризничал Аванесян.

Лыков вспомнил старую армейскую остроту:

- Гарантирую обед из трех блюд: курица ребром, курица плашмя и курица боком.

Адвокат хмыкнул:

- Идемте!

Когда прокурор увидел, кого к нему привел надоедливый питерец, его чуть не хватил удар. Разговор вышел очень коротким. Аванесян с легким презрением в голосе сказал:

- Алексей Николаевич рассказал мне свой случай. И предложил выступить защитником Сережи Азвестопуло, если у вас хватит глупости довести дело до суда. Я дал согласие. Мы поняли друг друга?

Брок только буркнул горлом. А питерцы отправились в «Кафе-Рояль».

Присяжный поверенный повел себя скромно и объел статского советника всего на семь рублей, если считать с выпивкой. Прощаясь, тот сказал:

- Передайте от меня привет вашему работодателю, Иллариону Саввичу. Ну, в смысле Сергею Родионовичу.

Сыщик назвал настоящее имя «Ивана Ивановича» и то, под которым он жил сейчас. Адвокат рассмеялся и протестующе скрестил руки:

- Могу передать только Сергею Родионовичу.

- Ну, хоть так.

Сыто урча, Лыков прошел к судебному следователю. Тот опять хлебал чай, на этот раз с пряниками. Увидев гостя, Резников со смехом протянул ему распоряжение на имя полицмейстера:

- Держите, вы своего добились.

- Отлично. Белье Азвестопуло я у вас тоже забираю, это отправная точка нового дознания. Дмитрий Наркизович, мне не терпится встретиться с сыскными. Вы не можете вызвать сюда Ткачева? Уж простите за назойливость, но Гепнер будет тянуть волынку, а Сергей Манолович томится в камере за чужой грех. А так бумага ваша напрямую попадет к исполнителю. И я уже через час начну вместе с чинами сыскного отделения повторное дознание.

- Тетенька, дай воды напиться, а то так есть хочется, что даже переночевать негде, - поддел просителя следователь и снял трубку эриксона.

Через полчаса пришел Ткачев - угрюмого вида мужчина средних лет, в готовой паре, с лысиной и солдатскими усами. Следователь представил ему питерца, вручил бумагу и сказал:

- Господин Лыков хочет побыстрее начать повторное дознание, поскольку уверен в невиновности своего товарища...

Ткачев едва заметно улыбнулся, но промолчал. Резников продолжил:

- К этому вас обязывает как мое распоряжение, так и телеграмма директора Департамента полиции. Вы еще не получали ее копию от губернатора? Получите. А пока вот вам приказ, забирайте Лыкова и идите к себе. Введите его в курс дела, ознакомьте официально с актом дознания, своими выводами - ну, сами знаете. Дело не закончено, убийца не найден, а подозреваемый, что сидит

в Тюремном переулке[24 - Там находилась губернская тюрьма с камерами для подсудимых.], пока лишь подозреваемый. У Алексея Николаевича есть большие сомнения в его виновности.

- Виноват, ваше благородие, но мне нужно письменное распоряжение господина полицмейстера.

- Так идите вдвоем к нему, прямо сейчас, и оформите. А я скажу Гепнеру в телефон, чтобы сидел и ждал вас, никуда не убежал. Все, Николай Евдокимович, за дело. Убийца на свободе!

Всю дорогу до полицейского управления Ткачев шел молча, недовольно косясь на питерца. Тот уже понял, что кашу с этим гусем не сварить. И черт с ним, если он, по словам Дмитрия Наркизовича, скоро уедет из города. Другие-то останутся. Надо наладить отношения с ними. Опять же, завтра появится губернатор и даст всем хорошего пинка. Тогда и поглядим на ваши улики.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Лемберг - название столицы Галиции - города Львова в Австро-Венгрии. (Здесь и далее примеч. автора.)

2

Эвиденцбюро – австрийская разведка и контрразведка.

3

Огенквар – отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, русская военная разведка.

4

Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским (Малой Польшей) и княжествами Освенцим и Затор – название коронных земель Австрийской монархии после раздела Речи Посполитой в 1772 году.

5

Переходное – демисезонное.

6

Арестованного в марте 1913 года во Львове за шпионаж русского подпоручика Яцевича через три месяца обменяли на обер-лейтенанта австрийской армии Валолоха, попавшегося русской контрразведке.

7

Кавярня – кофейня.

8

Ирредентизм – в XIX – начале XX века движение по объединению народа, разобщенного по разным государствам, в одно национальное государство.

9

Ландвер – запас регулярной армии в Австрии и Германии.

10

Австро-Венгрия как двуединая монархия делилась на Цислейтанию (австрийские коронные земли) и Транслейтанию (венгерские коронные земли).

11

Острый Меч – прозвище начальника Эвиденцбюро полковника Августа Урбанского фон Остерлица в русской военной разведке.

12

Отправительная – передающая.

13

Сыгнивка – еврейский квартал во Львове.

14

См. книгу «Паутина».

15

ПОО – Петербургское охранное отделение.

16

Горчишник – хулиган.

17

См. книгу «Взаперти».

18

ПСП – Петербургская сыскная полиция.

19

Жевешка – женщина-врач (разг.).

20

Махер – делец.

21

См. книгу «По остывшим следам».

22

Согласно ст. 1585 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, уличенному в прелюбодеянии супругу по жалобе другой стороны назначалось тюремное заключение на срок от 4 до 8 месяцев с последующим церковным покаянием.

23

См. книгу «Паутина».

24

Там находилась губернская тюрьма с камерами для подсудимых.

Купить: <https://tellnovel.com/nikolay-svechin/v-otsutstvie-nachal-stva>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)